

— Сожри меня кости, я забыл про это! — Соц Муяо схватился за голову и горько заплакал.

Всех позабавил вид Сун Муяо, и по лодке прокатилась волна звонкого, веселого смеха.

— Чэнцзы и Саньту вместе участвуют в Преображении? — спросила Шаньшань.

— Верно. Мы под вечер отправились воровать арбузы с бахчи Птички, да прямо на месте и попались, а после нас вместе затащило в Мир монстров, — Цзи Личэн до сих пор находила ту сцену забавной, когда вспоминала о ней.

— Я смотрела, я смотрела! Эту передачу на канале Чэнцзы транслируют каждый день ровно в семь тридцатые, — отозвалась Сышуй.

— В каком выпуске вас покажут? Обязательно посмотрю, ха-ха, — возбужденно заговорила Сышуй. — Я обожаю это шоу, с вами двумя точно будет очень интересно.

Сун Муяо приподнял бровь:

— Что значит интересно? Этот плакса просто хочет посмотреть на красавчиков. Наверняка думаешь, что раньше тебе не доводилось встречать таких потрясающих участников Преображения, как этот юный господин.

Сышуй надула губки и возразила:

— Ли Хунъи... Ян Тун — оба очень красивы, по-моему... ты не самый лучший.

— Все хороши собой, и Малыш Сун неплох, — произнес Сун Муяо.

— Мм, наверное, покажут в следующем выпуске или через один, я не знаю, мы не спрашивали у режиссера, — ответила Цзи Личэн.

— Направление, куда плывет лодочка — это гора. Я вижу у ее подножия проход, в который как раз может протиснуться человек, — Вэнь Хэли выпрямил во весь свой высокий рост стан и, указывая на недалекое расстояние, сказал: — Похоже, это и есть выход.

— Я тоже вижу! — Цзи Личэн заметила, что гора приближается к ним все ближе и ближе, и ее радость просто переполняла.

Рыбацкая лодка быстро причалила к берегу. Малышка-поросенок Линь Цзин проспала всю дорогу, а теперь зевнула, проснулась и, покачиваясь, первой вылезла на сушу.

Остальные товарищи один за другим тоже выбрались на берег и по порядку протиснулись в отверстие. Точно так же, как и пещера, через которую они вошли в самом начале, эта сперва была очень узкой — как раз для одного человека. Пройдя еще несколько десятков шагов, они внезапно оказались в широком и светлом месте.

Уже подходя к выходу, Цзи Личэн произнесла:

— Шаньшань, Сышуй: Крячут дикие гуси на речном острове, скромна и прекрасна девица, каков твой Кью-Кью?

Сышуй и Шаньшань не удержались и рассмеялись.

Шаньшань мягко улыбнулась:

— Пожалуй, стоит оставить контакты, чтобы было проще связаться.

— Только у нас тут ни бумаги, ни ручки, как же записать? — поинтересовалась Сышуй.

Цзи Личэн подобрала валявшуюся рядом ветку и протянула ее Шаньшань и Сышуй:

— Просто запишите ей, меня в детстве по телевизору учили быстрому запоминанию чисел, могу запомнить с первого или второго раза.

— С ума сойти, ты научилась этому по телевизору? Почему то ТВ, что я смотрел в детстве, про Счастливых Козлят, ничему такому не учило? — изумился Сун Муяо.

— Хе-хе, ни за что не поверишь, я подсмотрела это в рекламе, которую крутили между сериями мультиков, — ответила Цзи Личэн, разглядывая цифры на земле.

— Подозреваю, что ты дуришь маленького ребенка, — не поверил Сун Муяо.

— Разве ты не ребенок, ха-ха? — Цзи Личэн встала на цыпочки и взъерошила волосы Сун Муяо.
— Я всё запомнила, пошли наружу.

— Я не ребенок, я уже учусь в средней школе, а младшеклассники — вот они дети, — взъерошился Сун Муяо.

— Ладно-ладно, давайте побыстрее выберемся отсюда, боюсь новых неприятностей, — ресницы Вэнь Хэли слегка дрогнули, а голос прозвучал глухо и низко.

Цзи Личэн присела на корточки, собираясь единым движением подхватить малышку-

поросенка Линь Цзин, которая месила пяточком отбрасываемую солнцем тень.

Линь Цзин взмыла в воздух на руках у Цзи Личэн и забавно засучила обоими копытцами. Недовольная, она завозмущалась:

— Отпусти меня, отпусти, женщина, я хочу походить по теням!

— Тише, мы идем гулять наружу, — Цзи Личэн пригладила ее растрепавшуюся шерстку.

Линь Цзин опустила голову:

— Я не могу пойти с вами.

Руки Цзи Личэн, державшие ее, замерли.

— Ты же знаешь, что я уже мертва? Я застряла здесь, — в голосе Линь Цзин слышались рыдания. — Я не могу отсюда выйти.

Вокруг воцарилась тишина, все молчали, словно по молчаливому сговору.

— Не нужно так смотреть, я давно с этим смирилась, — произнесла Линь Цзин. — Честно говоря, я круглая сирота, выросла в детском доме, а потом упорным трудом поступила в университет. У меня нет никаких привязанностей, люди всю жизнь только и делали, что называли меня чудовищем. Мне здесь очень хорошо, в Персиковом Источнике я могу получить всё, чего пожелаю, у меня есть абсолютно всё. Переживать обо мне не стоит.

— Ну а я на этом с вами прощаюсь.

— Чэнцзы, я могу сопровождать тебя только досюда, дальше тебе придется идти самой. — Линь Цзин выскользнула из свиного обличья, и в этот миг Цзи Личэн показалось, будто она снова видит ее такой, какой встретила в самый первый раз.

На девочке была пижама, а лицо ее казалось миловидным.

— Спасибо тебе, Чэнцзы, независимо от того, позаботилась ли ты о моем теле или посыпала цветы на мою могилу, я премного благодарна.

Сышуй горько заплакала, и слезы градом потекли по ее щекам:

— Сестрица Линь Цзин...

— Я тоже очень тебе благодарна, сестрица Линь Цзин, — уголки глаз Цзи Личэн покраснели.
— В туалете Усадьбы Чжоу, на Фестивале монстров и в Храме Божества горы — везде ты очень сильно нам помогала, ты прекрасная старшая сестра.

Прежде чем Цзи Личэн погрузилась в темноту беспомыслия, она успела заметить, как лицо Линь Цзин разгладилось в безмятежной улыбке.

Внезапно раздался знакомый электронный голос.

— Поздравляем игроков с успешным побегом из первого мира Мира монстров — Деревни Юнью.

Электронный голос вдруг зашипел от электрических разрядов, напоследок раздалось несколько резких писков, после чего из ниоткуда вырвался странный, неуместный смех.

— В следующее же время и в следующем мире мы увидимся вновь — никто не уйдет!

Очнувшись, Цзи Личэн резким рывком вскочила на постели и обнаружила, что находится на арбузном поле Птички.

В туманном лунном свете перед ней по-прежнему раскидывалось бескрайнее море бахчи — куда ни кинь взгляд, везде виднелись круглолицые, зеленеющие арбузы.

Рядом с ней медленно поднимался сонно моргающий Вэнь Хэли.

— Птичка, мы выбрались! — взволнованно воскликнула Цзи Личэн, садясь на колени и крепко обнимая Вэнь Хэли.

Вэнь Хэли только-только проснулся, его движения были заторможенными, а разум еще не до конца прояснился. Мягкое и сладкое тельце девушки бросилось ему в объятия, нарушив равновесие, и оба они рухнули прямо в арбузы.

Зубы Цзи Личэн стукнулись о подбородок Вэнь Хэли, и тот глухо простонал:

— Ох...

Ошеломленная падением Цзи Личэн оперлась о землю руками, приподнялась и озабоченно спросила:

— Ты в порядке?

— Я-то в порядке... но твоя рука давит мне на живот, — хмуря брови, хрипло произнес Вэнь Хэли.

— Ах... Прости, пожалуйста, — отпуская его, Цзи Личэн украдкой ласково огладила чужое тело, про себя изумляясь тому, как при всей своей худошавой внешности Вэнь Хэли обладает столь прекрасной фигурой.

Лишившись внешней опоры, Цзи Личэн мысленно взвыла от дурного предчувствия: едва она попыталась подняться, как ощутила, что ее ноги свело судорогой.

Стоило Цзи Личэн мысленно взмолиться, чтобы больше ничего плохого не случилось, как закон Мерфи тут же вступил в силу.

Вэнь Хэли вновь ощутил, как мягкая и благоуханная девушка с тяжелым махом валится прямо в его объятия — на сей раз его губы прижались к ее лбу.

Суховатые губы и гладкий лоб соприкоснулись вплотную. Вэнь Хэли почувствовал, как во рту пересохло, и его кадык непроизвольно дернулся вверх-вниз.

Тут раздался ленивый голос Сун Муяо:

— Вы проснулись? Братец Жуньту, Чэнцзы, протяните руку, у меня ногу свело!

Глас Сун Муяо прозвучал точно сброшенная из аирдропа бомба, разорвавшаяся прямо у них над ушами. Оба мгновенно отпрянули друг от друга, а Цзи Личэн вскочила на ноги с ловкостью пружины.

Вэнь Хэли прижал ко рту сжатую в кулак руку с четко проступившими суставами пальцев. Его кончики ушей порозовели, а взъерошенные волосы торчали во все стороны; ощущая во рту всё большую сухость, он провел языком по верхней губе.

Цзи Личэн машинально коснулась рукой лба: там все еще сохранялось недавнее тепло — мимолетное, ледяное и одновременно мягкое ощущение. Он поцеловал ее в лоб, легким, невесомым поцелуем, от которого сердце замирало в груди.

Хотя это интимное сближение произошло случайно, Цзи Личэн дотронулась до пылающих щек — кожа горела огнем, и ей даже не нужно было смотреться в зеркало, чтобы представить, насколько сильно она покраснела.

Прокричавшись вдоволь и не дождавшись ответа, Сун Муяо попытался самостоятельно справиться со спазмом, разминая ногу, и наконец поднялся на ноги.

— Вы двое чего это? — поинтересовался Сун Муяо.

Стоявшая перед ним парочка держалась друг от друга на расстоянии трех метров. При этом оба выглядели растрепанными, с затуманенными взглядами и покрасневшими щеками.

Глаза Цзи Личэн округлились до предела:

— !..

Вэнь Хэли отвлек взгляд в сторону:

— ...

Сун Муяо кивнул, изобразив на лице выражение абсолютного прозрения: «А, я всё понял! Сока, так вот в чем дело, от пронизательного взгляда великого сыщика Сун Муяо ничего не утаить!»

— Вы что, подрались? — Сун Муяо окинул обоих оценивающим взглядом. — Братец Жуньту, и ты, и Чэнцзы — почему у вас у обоих лбы красные, а у братца Жуньту еще и подбородок сбит?

— Неужели, Чэнцзы, ты в драке еще и кусаешься? — продолжал допытываться Сун Муяо. — К тому же вы вдвоем затеяли драку и даже не позвали меня! Разве вы настоящие братья?

Вэнь Хэли: «...»

Цзи Личэн закивала в знак согласия:

— Мы действительно подрались. Но победу одержала я, так что в следующий раз обязательно тебя позову.

Только после этого Сун Муяо успокоился, закинул обе руки на плечи Цзи Личэн и Вэнь Хэли, и они втроем, плечом к плечу, зашагали домой.

Лунный свет вытягивал их тени в длинные-длинные силуэты.

Прощай, сестрица Линь Цзин.

Линь Цзин получила свой контейнер с едой: «О-хо-хо, а мамочка пошла жить хорошей, идеальной жизнью в Персиковый Источник!»

Не знаю, читает ли меня кто-нибудь, но всё равно хочу сказать: малыши, дочитавшие эту главу, с двойным праздником вас! Желаю счастливого Средней осени и Национального дня, пусть

радость живет в ваших сердцах не только сегодня, но и каждый день!

Преображение завершено. Они провели в Мире монстров так много времени, а по возвращении прошло всего несколько минут. Они воочию увидели весь ужас Мира монстров, и самым худшим исходом, который только мог вообразить себе кто-то из них, возвращаясь назад, было то, что Чжан Вэй еще не вернулся, и остальные могли бы просто посчитать его пропавшим без вести.

Цзи Личэн спрашивал об этом своего личного оператора Го Цянь. Она и Чжан Вэй были довольно близкими коллегами.

— Сестрица Цянь, неужели вы совсем не переживаете из-за того, что дядя Чжан Вэй пропал?
— спросил Цзи Личэн.

Однако Го Цянь лишь озадаченно посмотрела на него:

— Кто такой Чжан Вэй? В нашей группе операторов нет никакого Чжана Вэя.

Цзи Личэн уточнил:

— Ну тот, кто участвовал со мной в этом сезоне Преображения, личный оператор Сом Муяо.

— Это что, какой-то новый розыгрыш, ха-ха, перестань, Чэнцзы, — Го Цянь с улыбкой вздернула подбородок, указывая на человека, который снимал Сун Муяо сзади. — Личный оператор Сун Муяо вообще-то Хуан Тянь. И дело не только в нашей группе операторов — я знаю абсолютно всех членов съемочной группы Преображения, и никакого Чжана Вэя, о котором ты говоришь, там отродясь не было.

Цзи Личэн в растерянности повернулся и посмотрел на человека за спиной Сун Муяо. Там стоял совершенно незнакомый мужчина, который привычным движением удерживал съемочное оборудование, снимая мальчика перед собой. Съемочная группа вокруг явно отлично с ним ладила, все переговаривались и смеялись, царил непринужденная и веселая атмосфера.

А у Цзи Личэна при этом сжалось сердце и по всему телу побежали мурашки.

Чжан Вэй не смог выбраться из Мира монстров, стерся из памяти абсолютно всех людей, а на его месте из ниоткуда появился совершенно другой человек, занявший его место.

Человек с другим именем и лицом, получивший его работу, друзей и, возможно, даже родственников.

Цзи Личэн расспросил Вэнь Хэли и Сун Муяо — помимо удивления, они оба подтвердили, что

помнят о существовании Чжан Вэя.

Вечером Цзи Личэн взял телефон Вэнь Хэли и в их группе в QQ под названием Пятерка Бесконечного Побега упомянул Шаньшань и Сышуй.

[Это Чэнцзы, а не мандаринка]: @[Не сдамся пока не поступлю в университет, не поменяю ник]
@[Мой отп всегда реален(////)]

[Не сдамся пока не поступлю в университет, не поменяю ник]: ??? В чем дело, Чэнцзы?

[Мой отп всегда реален(////)]: Сестрица Чэнцзы, с чего вдруг решила написать нам, вы соскучились?

[Это Чэнцзы, а не мандаринка]: Нет, это телефон Птички, я хочу кое о чем вас спросить.

[Не сдамся пока не поступлю в университет, не поменяю ник]: И о чем же?

[Мой отп всегда реален(////)]: Что такое, утята?

[Это Чэнцзы, а не мандаринка]: Вы случайно не помните Чжан Вэя?— Помните того мерзенького дядюшку, который вошел в Мир монстров вместе с нами?

— Я помню дядечку Чжан Вэя, а что с ним?

— Он... исчез из этого мира.

— ??? Что это значит?

— Смайлик с удивленной кошачьей мордочкой.

— Когда мы выбрались наружу, сколько бы мы ни расспрашивали окружающих, все говорили, что не знают никакого Чжан Вэя, к тому же появился совершенно незнакомый человек, который занял его место.

— Это страшнее, чем просто исчезновение. Кроме нас, больше никто не помнит, что он вообще существовал в этом мире.

— Ууу, и к тому же кто-то занял его место.

— Я отключаюсь, режиссер стучит в дверь туалета, споем позже.

—

В последующие дни постоянным местом обитания Цзи Личэн и Сун Муяо стал небольшой магазинчик Вэнь Хэли: они помогали ему присматривать за лавкой и заодно бесплатно ели и пили.

Утром они лазали по деревьям и ловили рыбу в деревне, а вечерами на халяву лакомились арбузами с бахчи. В день, когда Сун Муяо уходила, она со слезами на глазах крепко обняла Вэнь Хэли, рыдая как настоящий мужик, и приговаривала, что обязательно вернётся в следующий раз.

Цзи Личэн стояла рядом и откровенно веселилась: Ещё чего, вернётся она, чтобы и дальше объедаться на халяву и жрать арбузы даром, ха-ха.

Вэнь Хэли стоял прямой, как молодая березка, опустив взгляд, и хранил молчание.

Брат Жуньту, мне так не хочется с тобой расставаться... — всхлипывала Сун Муяо. — Твои... твои арбузы... Это самые вкусные арбузы, что я когда-либо пробовала.

Вэнь Хэли:

После ухода Сун Муяо Цзи Личэн помогала бабушке Ся, а всё остальное время проводила с Вэнь Хэли.

Как ни странно, хотя Вэнь Хэли не любил много говорить, чаще всего во время их встреч щебетала именно Цзи Личэн. Или же они просто сидели рядом, не произнося ни слова, но ей всё равно было невероятно легко и комфортно, и она наслаждалась каждым мгновением.

За это время Цзи Личэн успела близко познакомиться с бабушкой Вэнь Хэли.

Бабушка искренне удивлялась, как на свете может существовать такая очаровательная и милая девушка. Стоило Цзи Личэн появиться у них дома, как старушка тотчас ласково брала её за руку и заботливо спрашивала:

Доченька, удобно ли тебе жить у нас, привыкла ли ты к нашей еде? Не голодна? Бабушка сейчас что-нибудь тебе приготовит. Жуньту, принеси-ка арбуз, который мы остудили в колодце, угости девушку, — снова сказала бабушка.

Когда Жуньту принес арбуз, нарезал его кусочками и подал на тарелке, бабушка с озорной улыбкой спросила:

— Девушка, а у тебя есть парень? Что ты думаешь о нашем Жуньту?

От этого вопроса у державшего поднос с арбузом Жуньту рука дрогнула, и ломтики рассыпались по земле.

Жуньту тут же присел на корточки, чтобы собрать арбуз, и его пальцы случайно коснулись пальцев Цзи Личэн, которая делала то же самое. Они тут же отдернули руки, словно их ударило током.

Цзи Личэн широко улыбнулась, лучезарно глядя на Жуньту, и у нее показались милые клыки:

— Жуньту такой красивый! Когда я увидела его в первый раз, то подумала, что он сошел со страниц журнала или телеэкрана.

Бабушка звонко рассмеялась, и от этого смеха разгладились морщинки в уголках глаз, а в седых прядях у висков заиграло солнце.

Жуньту опустил ресницы, не смея поднять голову. Слова Цзи Личэн и бабушкин смех вогнали его в такую краску, что от шеи до самых щек он покраснел, и румянец постепенно дошел до

самых мочек ушей.

Трудно было сказать, что алело сильнее: арбузы на земле или лицо юноши.

Накануне отъезда Цзи Личэн бабушка попросила ее выбрать два лоскутка из целой корзины разноцветных обрезков.

Цзи Личэн выбрала белый, украшенный зелеными листочками и цветочками.

Бабушка улыбнулась:

— Хороший лоскут, и цветы на нем красивые, прямо как ты сама. Когда ты улыбаешься, ты похожа на цветок.

— Выбери еще один, какой цвет, по твоему мнению, подойдет нашему Жуньту? — снова произнесла бабушка.

Цзи Личэн и сама не знала почему, но при мысли о Жуньту первым делом в ее голове всплыл черный цвет. Затем черный сменился глубоким синим: хотя цвет был темным, но не полностью, в нем таилась и синева бескрайнего моря, и теплота безоблачного, чистого неба.

Цзи Личэн выбрала лоскут глубокого синего цвета и сказала:

— Пусть будет этот. Мне кажется, Птичке очень идет синий.

Лицо бабушки озарилось ласковой улыбкой:

— Хорошо, я тоже считаю, что этот синий очень красив.

В день отъезда Цзи Личэн попрощалась с дедушкой из преображенной семьи, у которого прожила семь дней, и с его младшим братом, отдав им на прощание термос, чай и учебные пособия, купленные на деньги, заработанные на подработке в городке.

Затем она зашла в лавку к Жуньту. Жуньту молча кивнул ей на прощание и вернул мыльные пузыри, которые она оставляла здесь на хранение. Цзи Личэн не придавала этому значения и с улыбкой сказала, что дарит их ему.

Она также подарила Жуньту массажер для рук, а его бабушке — теплое термобелье с традиционным пестрым узором.

Перед самым отъездом бабушка крепко сжала руку Цзи Личэн, дрожащими пальцами вложила ей что-то в ладонь и зажала ее кулак.

Цзи Личэн сидела в трясущейся на ухабах машине и с легкой ностальгией смотрела в окно на те же пейзажи и горные дороги, что и в день приезда.

Для посторонних глаз она просто пожила здесь неделю, всего лишь приняв участие в шоу о перевоспитании.

Но только она знала, через какое удивительное приключение ей довелось пройти вместе с друзьями, сражаясь бок о бок и вырываясь из лап самой смерти.

Цзи Личэн опустила взгляд и, вдруг что-то вспомнив, разжала ладонь. На ладони лежал круглый тканевый ободок для волос.

Ее глаза широко раскрылись: это же тот самый лоскут, который бабушка Птички просила ее выбрать! Оказывается, она своими руками сшила из него резинку для волос и подарила ей.

Ободок оказался прекрасным — изящным, красивым и практичным, а листочки и цветочки на нем выглядели очень мило.

Цзи Личэн быстрыми движениями собрала распущенные по плечам волосы в хвост новеньким ободком, а затем повернулась и посмотрела на уплывающую все дальше и дальше Деревню Юнъю.

Неизвестно, когда выдастся следующая встреча.

Она еще не успела уехать, а уже скучала.

Самолет приземлился, и съемочная группа добросовестно доставила Цзи Личэн в аэропорт ее родного города.

Оператор, сопровождавшая ее на съемках, девушка по имени Го Цянь, неся камеру, тихо спросила:

— Чэнцзы, а когда приедет твой папа?

В ту же секунду к ним подбежал тучный мужчина с лысиной на макушке.

Он утер слезу, крепко обнял Цзи Личэн и с безграничной нежностью принялся гладить ее по голове.

Го Цянь растерялась: до чего же непохожи друг на друга эти двое.

— Доченька, моя хорошая доченька, ты наконец-то вернулась! Папа так по тебе скучал, а ты скучала по папе?

Цзи Личэн, еще секунду назад весело улыбавшаяся, тут же позволила слезам скатиться из глаз:

— Папа, я тоже так сильно по тебе скучала!

Их разговор, искренность их тона и правдивость слов заставили стоявших рядом сотрудников съемочной группы прослезиться и преисполниться глубокими чувствами.

На этом съемки программы о перевоспитании подошли к концу: дочь вернулась в образ послушной девочки, а воссоединение отца с дочерью стало идеальным финалом.

Цзи Личэн села в машину и устроилась на заднем сиденье. Цзи Вэйгуан занял место впереди, рядом с водителем. Сев в салон, оба умолкли и уткнулись в свои телефоны, словно только что не было тех трогательных сцен отцовской и дочерней любви.

Водитель Сяо Ван, сидевший за рулем, время от времени бросал вопросы: как кормили Цзи Личэн в той деревне? Хорошо ли она спала?